

Асель

Омар

МАЯТНИК

В руке учителя физики качался маятник, серый камешек на веревке. Раз-два, вправо-влево. Раз-два. Рональд Петрович качнул маятник сильнее, и время заторопилось. Маятник не знал ни прошлого, ни будущего, но своими глазами мы видели, как идет время. Невидимый маятник тоже двигался то быстрее, то медленнее, отсчитывая время нашей жизни.

Вечером Рональд Петрович повел нас в кинотеатр на фильм «Амаркорд». Пленка кинопроектора бежала, отмеряя время жизни других, не знакомых, но таких близких нам людей. В фильме шел снег, и юный темперамент героев кипел и противоречил дряхлой морали учителей: «Ты трогаешь себя? Ты знаешь, что Святой Луиджи плачет, когда ты себя трогаешь? – Пусть плачет себе на здоровье». Просмотренные кадры уходили в прошлое вместе со слезами и горькой иронией. Но навсегда остался привкус легкой грусти и надежды на лучшее. Мы выходили из кинотеатра в темноту города, и впечатления волновали, заставляя сердце биться сильнее, и в эти моменты жизнь разворачивалась перед глазами во всей ее широте.

Красивое лицо Рональда Петровича, мужественное, скуластое, его аккуратные небольшие руки, громкий голос, его натура независимая и страстная восстают в памяти часто, то удаляясь, то приближаясь. В моем городе детства учитель физики восхищенно рассказывал нам о романе «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли, только что вышедшем в журнале «Иностранная литература». Искренний и порывистый, голос его грохотал над школьной лабораторией: «Как, как вы могли его не прочесть?!», учитель трагически сотрясал руками в воздухе. Мой сосед по парте по прозвищу Рыжий надул презерватив, шарик проплыл над партами, с грохотом лопнул. Мы хохотали. Помню гнев Рональда Петровича, его покрасневшее лицо. Учитель громко кричал на Рыжего, но в этом голосе никогда не бывало злости, это был, скорее, праведный гнев.

Рональд Петрович требовал «легко понимать» устройство линзы, не усложняя, воспринимать своими глазами, и только потом переносить все на бумагу в виде формул и задач, расставлял линзы на кафедре рукой привычной и естественной по отношению к любимым вещам. И даже в этом чувствовалась его внутренняя сила и свобода человека умного, доброго и строгого.

Троллейбус катил учеников с учителем мимо площади, ее осыпал снег, в ночном небе проплыло горящее неоновым огнем знакомое с детства изображение

Ленина на фасаде обкома партии. «Хоть есть на свете много стран, куда хотим попасть, но всех милее город наш, где родила нас мать» – в голове все звучали слова простой песенки из фильма.

АЭРОПОРТ

Прошло много лет. Маленькое и немногочисленное здание аэропорта Федерико Феллини сонно дышало июльской жарой. Хотелось узнать город Римини и его жителей, у которых «натура надменная, но щедрая, преданная, но упрямая», как говорил адвокат в «Амаркорде».

На автобусной площадке сразу по прилету украли чемодан. Служащие контор по аренде автомобилей, туристических агентств, провизор из аптеки, востепенно от дремоты, поспешили за мной, на помощь. Наша маленькая взбудораженная процессия миглом домчалась до полицейского участка аэропорта.

Участок напоминал небольшой офис, все в нем было белым и чистым: столы, пластиковые стулья, конторские шкафы. Пожилой жандарм неспешно принял жалобу, сетуя, что видеокamеры в аэропорту сегодня не работают, и вообще воров развелось до черта, но дело чести итальянской полиции приложить все усилия... Двое его коллег куда-то тихо удалились. Ощущение безнадежности моего дела уже переросло в смирение, когда меня окликнули снаружи: чемодан был найден.

Помню милые лица тех людей, работников маленьких контор аэропорта, обрадованных счастливым завершением дела, улыбки на их лицах. Все запыхались от суматохи и беготни, но глаза просветлели, они уверяли, что Римини приветлив и прекрасен.

СТАРЫЙ КИНОТЕАТР

Тени наклонных черепичных крыш отсекали солнечные лучи, стены домов отзывались на геометрическую игру солнца, принимая на себя прямые линии света и тени. Тонино Гуэрра писал: «Слова звучат по-разному под дождем или на солнце». В июльском Римини солнечный свет заливал все вокруг, слова становились тяжелее, глаза уставали замечать детали, хотелось обрести тень, чтобы вновь узреть четкие очертания предметов. Света было много, он становился осязаемым, его всеохватность придавала происходящему вокруг эпическое звучание, поскольку в окружающем пространстве царили только солнце, небо и светлый камень.

Пустынная, гладкая, словно промасленная, каменная мостовая пролегла вдоль хай-тековского невысокого здания банка, собора Малатестиано, полуразвалившейся римской аркады, небрежно поросшей кустарником.

Проспект императора Августа в полуденном зное навевал воображению звуки и голоса древнеримской улицы, всплывали из отдаленного времени гул толпы, грохот колесниц, несущихся на скачки, образы теснящихся к стенам прохожих, торговцев, прячущих свои утлые прилавки от разгоряченных лошадей и клубов пыли. Блистающий буржуазным шиком современный проспект Августа переносил через время и пространство, не давая забыть великое прошлое, напоминая о нем молчаливыми камнями римской мостовой, до блеска отполированной временем.

В тот день вдоль проспекта расположились ряды блошиного рынка. Звуки церковного колокола, плывущие навстречу, придавали сакральности этим бес-

численным предметам разных эпох. Парадное зеркало в позолоченной раме, механическая машинка Зингера, модель каравеллы, гипсовая голова Нептуна, застывшие фонтаны люстр венецианского стекла, пасторальный пейзаж эпохи рококо, секретеры, хранившие чьи-то тайны, глазурь фарфоровых статуэток, битва испанца с сарацином на керамическом блюде, портрет святого семейства в тяжелой раме, прислоненный к фонарному столбу.

Из кафе доносилась знаменитая песенка из фильма «Сладкая жизнь»: «Рынок иллюзий – самый потрепанный, на нем мы продаем славу и надежду, здесь вы можете купить и успех, но какую цену вам придется заплатить?...» Интересно, почему именно эта музыка звучит сейчас, как будто кто-то неведомый знает, о чем я вспоминаю? Конечно, это, скорее, совпадение, просто сознание отмечает в окружающем пространстве то, что ему интересно. Так, взгляд выхватил фасад старинного кинотеатра «Folgar», знакомый по тем самым кадрам из далекого детства, кинотеатр, великий в своей истории, а ныне маленький и скромный, на первом этаже дома, зажатого с обеих сторон блистательными зданиями корсо Августо. В этом кинотеатре Тутти увидел Градиску и забыл обо всем на свете. Старый кинотеатр ждал реставрации. Деревянная овальная табличка облупилась, на грязном стекле желтела старая афиша «Фестиваль Фонда Феллини» с красноносой рожицей клоуна. Вход был заколочен фанерой, окна покрыты следами дождя. Вот и довелось увидеть кинотеатр первозданным, в таком обличье он хранил то, старое время.

На террасе подали кофе. В тени он был дороже, чем такой же на солнечной стороне террасы. Рядом высилась фигура Юлия Цезаря, подарок городу от дуче Муссолини. Трагические глаза Мадонны с картины святого семейства смотрели куда-то вверх, туда, где на серой стене виднелась бронзовая доска с барельефом суровым и немногословным, тремя оборванными веревочными петлями виселицы, в память о трех казненных на этой площади участниках итальянского Соппротивления. Я все еще здесь, на улочках Римини, воспетых Пасколе и Д'Аннунцио, среди птиц, домов и деревьев, и истертые воспоминания, подобно звукам плывущей в воздухе мелодии, наполняются яркими красками и свежестью.

ЛЕСТНИЦА В НЕБО

Ступени металлической лестницы вели на жестяную крышу магазина одежды. Отсюда мы с Куколкой, моей подругой, пятилетние девочки, смотрели, как из школы возвращается Костя – он был уже первоклассником. Сентябрьский веселый ветерок слегка подгонял по асфальту красные кленовые листья – верную примету осени. Костина голова мелькала среди листьев. И тут он увидел нас. Ветерок дунул сильнее. «Мадам, вы, кажется, сверкаете», – сказал Костя, невозмутимо глядя снизу на Куколку. Она покраснела и одернула сарафан, взлетевший от ветерка. Костя свернул в свой подъезд. «Ты слышала, как он сказал? Галантный...» – Куколка мечтательно вздохнула.

С балкона нашего небольшого отеля в Римини хорошо было смотреть, как ярко и мощно сияли звезды южного неба, как колыхалось белье на соседских балконах и монументально покачивались огромные веера пальмовых ветвей. В темноте, на стене напротив ярко светился узкий прямоугольник окна. Вдруг ставни захлопнулись, и желтый прямоугольник исчез, словно его и не было. В безветренной ночи тонула теснота черепичных крыш. Уличный фонарь в узком проеме двора бросал

оранжевый конус света на приставленный к стене мопед. Чуть далее, за апельсинами деревьями, тянулись железнодорожные столбы, ночная электричка на Фаенцу коротко простучала колесами, негромко присвистнув, и исчезла. Было приятно сидеть на нагретых ступенях лестницы, ведущей на крышу, ощущать себя немного над землей. Отсюда жизнь видится по-другому, как будто летишь невысоко и легко в прозрачном воздухе, над оливами и пиниями, в серебряном свете месяца, среди кучерявых очертаний облаков, утопающих в глубоких угольных тонах неба.

Лестница нужна, только когда она устремлена вверх, в небо. Человек, взобравшийся по ней, кричит, как дядя Тео из «Амаркорда»: «Я хочу женщину! Я хочу женщину!».

GENIUS LOCI

Улица Гамбалунга, высокая и узкая, вся в сером камне, прятала свои богатства за холодным камнем высоких стен и нависающих крыш, создававших здесь сплошную замкнутую тень. Внутри тенистого дворика, увитого плющом, за узорной решеткой скрипела, пропуская посетителя, тяжелая дверь библиотеки, где хранится первое издание «Божественной комедии». Бил церковный колокол. На пустынной улице показалась женщина на велосипеде. Оставив велосипед у стены, она, перекрестившись, вошла в ворота собора.

Дремали полуденным сном восхитительные изящные городские усадьбы, окруженные ажурными решетками, свешивая на улицу отяжелевшие ветви садов. Между ветвей, на доме юного поэта Джованни Пасколи, виднелась табличка с романтическим обращением к потомкам: «Он жил здесь при подготовке души и разума к поэтическому творчеству...» В другом окне, меж тонких колонн, была открыта ставня, и ветер робко трепал прозрачную штору, за которой проглядывал уголок тонконогой софы и играла фортепианная музыка.

Вечер был тихий и светлый, над горизонтом тянулась тонкая гряда облаков, подрумяненных закатом. Вечерняя прохладная тень взяла власть над узкими улицами, и звуки и краски стали отчетливее и ярче. Низкое солнце освещало камни моста Тиберия, белые, покрытые медными пятнами старого мха. Стальная вода реки была недвижна и лишь изредка вспыхивала хрустальными бликами вечернего света. Зеленые островки ряски недвижно стояли на поверхности воды вдоль берега. По ту сторону моста, вдали, торчали башенные краны, а перед ними, вдоль набережной, нестройно теснились домики под черепичными крышами, прижавшиеся друг к другу, и высилась колокольня церкви Святого Михаила. Это и был Сан-Джулиано. Говорят, в каменной кладке моста есть несколько камней, заложенных Цезарем, и на них каждую ночь появляются слова – послания императора, но никто не успевает их прочесть.

По дороге мне встретился пожилой, благородный, модно одетый сеньор, красивый, с прямым римским носом, этакий щеголь в синей льняной рубашке, белых шортах и шляпе итальянской соломки. Он прогуливал рыжего шпица. Его лицо просияло, когда он услышал вопрос, где найти народные рисунки на стенах домов, муралес, рисунки о Феллини.

Кто мы, и дом наш – где? Возможно, дом мы ищем там, где люди слиты с родным воздухом, как рыбаки с берегов Мареккьи, что буднично воспринимают свой невод, улов или непогоду. И чтобы вернуться к своей собственной первозданной

природе, мы ищем того, кто расскажет нам историю об этих людях беспристрастно и увлекательно, о том, что есть высокого и низкого в человеке, и рассказ этот покажется не придуманным, а существующим от века.

Невидимые следы людей хранит мостовая Сан-Джулиано – уголка живого, красноречивого и колоритного, в обыденной жизни которого великий рассказчик находил свои образы. Вот и сам Феллини, нарисован рукой неизвестного художника на стене дома. Трава пробивалась в щели мостовой, возле стены прыгали воробьи. Размятый в руке листочек лимонного дерева терпко благоухал, сушились скатерти на веревке, натянутой меж домов над улицей, во дворе стояли кадки с геранью и крошечный красный автомобильчик «Пежо».

Градеска глядела со стены из темной комнаты, оперев тонкую руку в длинной перчатке на круглое бедро... Возможно, имена авторов этих рисунков хранят керамические таблички на дверях Сан-Джулиано: капитан Рампи Тибальдо, адвокат Лорна дель Пакко, семья Джирардели-Уголлини. Они любят его и сегодня. Феллини принадлежит им, он их кровь от крови, естественное продолжение их жизни, их современник, и одновременно он принадлежит каждому из нас.

Мы всегда вспоминаем. Плыдем на большом корабле под названием жизнь. Почтенный сеньор показал в сторону церкви – возможно, вполне возможно, здесь молился юный Феллини и его друг Тутти, и здесь грустит статуя Святого Луиджи, и плачет, когда Тутти трогает себя. Тихая, сдержанная радость незнакомого сеньора говорила лучше всяких слов, что Феллини здесь, с нами, вот пройдитеесь, и вы поймете. Он никуда не уходил, возможно, он ненадолго уехал, но оставил записку, чтобы его ждали.

Тонкая девочка лет десяти в скромном платье и легких туфельках шла куда-то совсем одна по пустой вечерней узкой улице вверх, по направлению к шоссе. Будто призрак из фильма «Дорога», она обернулась, гордо повела плечами, словно взрослая, и двинулась дальше, к большой дороге, горящей светом электрических фонарей и шумящей дорогами авто, пока горизонт не поглотил ее.

БЕЛЛАРИВА

В Римини говорят: даже если вы совершите путешествие по всей Земле, вы никогда не узнаете столько, сколько расскажет вам море. Море хранит больше знаний, чем что-либо на свете, – только если вы способны заставить море говорить. Море правдиво. История и литература лгут, но литература лжет символически, стремясь к правде, история не стремится к правде, и потому лжет буквально. Вечный песок, пыль забвения, вечные волны...

Благословенные берега Адриатики, Эмилия-Романья – царство нежного, но весьма жизнестойкого бумажного цветка. Он бывает белый, сиреневый, синеватый. Он здесь повсюду. На песчаных побережьях Белларивы можно наблюдать, как эти тонкие лепестки осыпаются на песок, отдавая свою красоту всю до конца этой земле, увидеть, как спеет виноград, услышать тягучие гласные в температурной речи наследников кельтов и римлян, их певучие интонации. Они ездят повсюду на велосипедах и мопедах, деликатно уступая дорогу прохожим и друг другу в невообразимой тесноте и суете дорог, везут в корзинах своих крошечных малышей и только что купленную снедь. И повсюду здесь морской ветер, от которого выются волосы, соленый ветер и стрекот цикад.

Белларива оказался раем вполне осязаемым, районом отелей, мускатного винограда, олив и пляжей. День начинался, море играло лазурью. «Белла, чао!» – пожилой худощавый старик в черных шортах и соломенной шляпе помахал приветливо рукой. Он пытался выудить своего внука из-под лодки, лежащей на песке вверх дном. «Чао!» – крикнул мальчишка, вылезая из-под нее. «Это Паоло, мой внук! Откуда вы?» – спросил старик. Мальчик улыбнулся и помахал рукой в знак приветствия. «Меня зовут Витторио. Я вам расскажу про Тоскану», – сказал он.

Семья Витторио, его жена, дочь, зять, Паоло и его старшая сестра Джулиана сидели под зонтиками в шезлонгах. Витторио достал из сумки карту, показал крепким, грубым от трудов пальцем: «Вот Тоскана, моя родина, вот Флоренция. Мы с Энрикой работаем на экоферме, делаем вино, у нас фабрика, очень маленькая фабрика...», – он протянул мне бутылку белого вина. «Мой отец работает полицейским в музее Палаццо Веккьо, – сказала Джулиана, – и если вы приедете во Флоренцию, он проведет вас ночью в музей. Вы бывали в музее ночью?» ...Они хотели поговорить с незнакомым человеком, казалось, их очень сильно интересует жизнь и мир вокруг, и делали это непринужденно и просто. Тут всех интересует жизнь, мир и незнакомые люди, потому они заговаривают с незнакомцами, пытаясь каждый день узнать об этом мире больше, улыбнуться ему, поприветствовать его.

Аккордеон ресторанный певца на открытой террасе развлекал иностранцев старой грустно-ироничной итальянской песенкой: «Американо, м-мерикано...» Копченые рыбины и листья рукколы источали дымок и аромат удовольствия. «Ты хочешь выглядеть американцем!.. Послушай-ка, кто тебя заставляет это делать?»

Нежные, бархатные песчинки, нежное теплое море навсегда слиты для меня с прибрежным привалом римских солдат. Каков же процент человеческой крови, что остался в светлой воде Адриатики за всю человеческую историю, до наших дней? Или она бесконечно растворяется среди песчинок и соли, и от нее ничего не остается? Конечно, что тут скажешь, море пронизано страстью, оно может рассказать тебе больше, чем земля, если ты спросишь его о чем-то.

ЖЕЛАНИЯ

В автобусе дети из школьного класса расселись повсюду – на полу, на ступеньках. Класс галдел, как стая сорок, смущая окружающих, но учителя имели вид отстраненный. Молодой учитель, красивый, стройный, в джинсах и клетчатой рубашке, глядел задумчиво в окно автобуса. Его ученица, в коротких шортиках, светловолосая «Лолита», с лицом еще детским, сзади обхватила своими руками его за плечи. Перегибаясь, в тесноте автобуса, она переместилась и стала перед ним, взяла ладонями его голову и заглянула в глаза. Учитель стоял, глядя куда-то вдаль, вдоль ее плеча, и не двигался.

Владелец нашего небольшого частного отеля Эмилио готовил кофе для постояльцев в темноте бара. Вскоре он вышел из темноты на террасу, глядя на экран телефона. Глаза его радостно блестели:

– Ты слышала? Взрыв в аэропорту Стамбула! Теперь больше туристов придет ко мне... Кто монстр? Конечно, мне жаль людей. Это просто бизнес, ничего личного. А знаешь, почему провинция называется Эмилия-Романья? Это в честь меня!..

Появилась она, подруга Эмилио Сюзанна, настоящая красавица. Большие выразительные глаза, прямой острый носик, бледность с полотен Боттичелли. Легкая фигура, светлые короткие волосы, открытое зеленое льняное платье, гранатовые бусы.

И при такой-то роскошной подруге Эмилио никогда не упускал возможности случайного флирта. Своими комплиментами он заставлял женщин смущаться, с удовольствием наблюдая за ними. Когда у меня из номера пропало нижнее белье, он будто ждал этого сообщения. Радостно воскликнул: «А тебе и без него хорошо!» Через пару дней незаметно вернулась пропажа в мое отсутствие, разложена была красиво посередине кровати. О мама миа, ну что тут сказать, а лучше ничего не говорить...

Я постепенно привыкала к местной привычке с легкостью заговаривать с незнакомыми людьми, к нечаянным комплиментам, воздушным поцелуям взрослых и детей. Оказывается, это все очаровывает человека, живущего в хмуром северном мегаполисе, в его ритме быстром и напряженном.

– Пойдем, хочу показать тебе нечто прекрасное, – сказал Эмилио.

В его саду, если так можно было назвать узкую полоску земли вдоль стены отеля, распустились розы. Он опустился на корточки перед ними.

– Посмотри, какие красивые!..

ФЛОРЕНЦИЯ

Сганарель: ...Однако нужно же во что-нибудь верить.
Во что вы верите?

Дон Жуан: Во что я верю?.. Я верю, Сганарель, что
дважды два – четыре, а дважды четыре – восемь.

Ж.-Б. Мольер

За окнами неслись горы, синеющие высокими пиниями, средиземноморскими сосенками, напоминающими руки земли с открытыми солнцу ладонями, тянущиеся к небу, и – виноградники, ждущие урожая. Поля, поля, поля. Как будто небесная огромная гребенка причесала эти горы, оставив ровные ряды. Станции были похожи друг на друга – небольшая церковь с живописными потеками на стенах, двое полицейских, прогуливающиеся вдоль платформы.

В Фаенце подсели двое молодых людей – итальянка и африканец. У парня был с собой музыкальный инструмент, наподобие лютни, с круглой декой оранжевого цвета и длинным тонким грифом.

– Он сделан из тыквы, – сказал парень. – Хотите, сыграю?

Он водил смычком по длинным струнам, то склоняясь всем телом к инструменту, то отклоняясь, то блистая глазами, то прикрывая их. Музыка была такая же красивая, как его движения, откровенно страстная, она вырывалась из обыденности, преломляя обычный день и заставляя всех, кто ехал в этом вагоне, неожиданно примолкнуть и прислушаться. Поезд приближался к Флоренции.

До Санта-Мария-дель-Фьоре пешком – минут двадцать. Навстречу по тротуару шла женщина, катящая велосипед. Она подняла глаза и просто улыбнулась. Невозможно не улыбнуться в ответ. Просто улыбнуться незнакомому человеку – проще некуда, но это наивысшая точка цивилизации.

Тонешь в этих улицах, залитых солнцем, с бесконечным рядом бутиков, толпами народа. Город в солнечном свете разворачивается перед тобой, как пергаментный свиток с потрескавшимися от времени страницами и выгоревшими буквами. Улицы утомленной зноем классической архитектуры с аутентичными деревянными ставнями выводят к собору сквозь вспышки камер и частокол поднятых рук с телефонами, устремленными ввысь...

...Воинство туристов, вооруженное селфи-палочками, поток речи, шутки, смех чей-то ребенок хнычет и просится на руки, камеры, видео, позирование, безумная очередь в храм, гиды с зонтиками... и вдруг оказываешься сразу у стены гигантского сооружения, напоминающего белизной мрамора огромный сахарный дом, и видишь прямо перед собой, глаза в глаза, выточенные классически, мастерски фигурки святых, деятелей церкви и ангелов в стенных нишах. Они все разные, и даже выражения лиц у них разные. Зной и солнце воспаляют воображение, в котором море туристов превращается в вавилонское скопище строителей собора, каменотесов, скульпторов, гранильщиков, гравировщиков, живописцев, стекольщиков, рабочих, готовивших раствор и поднимавших на лебедках куски мрамора на высоту, чувствуешь их изнеможение от летней жары, видишь их лохмотья, дырявые башмаки, миски, из которых они едят прямо здесь, на улице, чтобы не отвлекаться от работы, ведь и работают они за миску этой самой еды, их огрубевшие руки, покрытые мраморной пылью, их загорелые лица, покрытые мраморной пылью... эти люди дышат пылью священного собора, бесконечной мраморной пылью, ибо сколько же нужно каменных составляющих разной формы и цвета, чтобы сложить мозаику для этой огромной махины в форме креста, призванной напугать человека своей массивностью и внушить ему страх перед чем-то высшим. Видишь деревянные леса кватроченто, не всегда надежные, представляешь, сколько вот таких простых и гениальных людей, чей гений нужен был лишь как средство возвеличивания божества, а не как ценность сама по себе, падали с этих лесов и погибали, умирали от труда или чумы, и никто не знает их имен, никому не нужны были эти имена. Безымянные художники веками строили то, на что щедро отсыпали золота флорентийские дожди. Мастера что-то выкраивали из жалкого заработка для своих семей, покидали родные крохотные Сан-Лео, Марчану, Подджо, Пьомбино, Таламоне, Монте Арджентарио, Джаннутри, Питильяно, Аббадию Сан Сальваторе, деревни на склонах Амьяты, Монтальчино, Пьенцу и Монтепульчано, Монтеридджони, Колле-ди-Вал-д'Элсу... И не было и мысли, что даже часть несметных средств, потраченных на божественную идею, дала бы им новое жилье, пусть скромное, школу для детей, пусть самую простую, дорогу получше, чтобы добраться до этого самого затерянного в глуши Джаннутри или Пьенцы.

Усевшись на мраморные ступени у палаццо Веккьо, поднимаешь голову и обнаруживаешь сплетение мужских и женских тел на античные сюжеты, созданные с избыточной пылкостью, вызывающей смущение. Конь, укрощенный Гераклом, выворачивает свою мощную шею так, что видны надувшиеся вены и напряженные мускулы. Кровь начинает стучать в висках, обманутая блеском пресыщенных роскошью больших городов.

В полукруге арки, открывшей кусочек неба, чернеет изящный торс Персея с головой Медузы. Работа Бенвенуто Челлини. Все же Медуза не похожа на мертвое чудовище, она похожа на женщину, обессиленную после соития. Тем не менее, призыв на пьедестале «Ad astra» – «К звездам» напомнил об одном био-

графе Челлини, который утверждал, что в этой работе скульптора зашифрована суть любви мужчины к мужчине. Биограф также упоминал список отца церкви Климента Александрийского, где значились все мужские влюбленные античные пары, и указывалось, что Персея любил сам Гермес.

Обратная дорога к поезду вела через рынок и магистрат, мелькали витрины с мороженым, ювелирно залитым узорами цветной глазури и шоколада, лавки гобеленов, кружево и бархат, банты на балетных туфлях, органза и шелковые розы. Уличный художник рисовал аэрозольными красками на асфальте Джоконду. Осуждающе во все стороны света глядели глаза святых со стен собора Санта-Мария-дель-Фьоре. В зеркальном отражении в прохладной полутьме кафе подавали кофе. На барной стойке красовался Давид Микеланджело из ярко-красного пластика, отражаясь в зеркалах со всех своих ослепительных ракурсов.

Теперь стало ясно, что фонтан может быть и спектаклем одновременно. Фонтан Нептуна затеял игру дьявола с небесным воинством, языческая естественность наготы персонажей этого театра залита потоком злых взаимных насмешек сил света и тьмы и пенистыми струями воды. Фонтан полон аллюзий подсознания, откровенной сексуальности, не различающей любви и страсти, а собирающей их в одно неразличимое понятие удовольствия. Virtuозность итальянских мастеров прячет под мифологическими образами задумку заказчика, ведь для высшего света нет запретных тем, запреты существуют для народа.

У памятника Челлини думалось о жизни гения, о том, что лишь захватывающая, мастерски задуманная и исполненная авантюра вытягивает человека на высоты жизни, авантюра большая или маленькая, уж кто на какую способен, иначе был шанс пропасть многим таким, как Бенвенуто, на стройке Дуомо, как тысячам безвестных мастеров.

Приближался вечер, уличные жонглеры и акробаты, банкиры, нищие, попрошайки, торговцы, проститутки, цыгане, как и пятьсот, и тысячу лет назад, занимались каждый своим промыслом под лучами заходящего солнца.

САН-МАРИНО

На площади Республики белеет каррарским мрамором статуя Свободы Стефано Галлетти. Женская фигура в воинских доспехах, вооруженная копьем. Если ты перестаешь интересоваться классикой, то она не перестает интересоваться тобой, потому рассматриваешь главную статую города, читая ее послание. Свобода вооружена, и получается, только тогда она существует, когда может защитить себя? Статуя говорит открыто и ясно, что не существует абстрактной свободы, а существует только та, которую надо защищать, за которую надо бороться, умирать, она не дается даром, не даруется раз и навсегда, и уж тем более это не милость небес, ибо небеса предписывают пастырю пасти стадо, а в лексиконе пастырей нет слова «свобода». Стадо не обладает свободой, свободу осознает гражданин полиса. Тень Сократа витает в античном духе свободы и жарком воздухе Светлейшей Республики Сан-Марино: свобода – это познание блага.

Обнаженность ребенка в скульптуре «Беслан», в противоположность нагоде Возрождения, символизирует незащитность человека перед миром. Вот так кратко и емко скульптура свидетельствует о событиях в их идеальном, символическом значении. Момент созерцания сродни получению знания, оно рождается из созер-

пания и понятия об эмпирическом факте, который без понятий слеп; в свою очередь, понятия без созерцания не имеют сути. Лаконичный язык скульптуры – конструктор, в котором соблюдены принципы совместимости, и, прочитав то, что говорит скульптура, мы уже не вернемся в ситуацию незнания. Стоя перед скульптурой, мы узнаем о том, что было и как это было, – для прочтения этого послания нам достаточно нескольких секунд, минут, но послесловие остается с нами навсегда.

Карьер арбалетчиков, устроенный на крутом склоне горы Титано, в отвесной скальной стене прорастают полынь и тростник, к стене прикованы три тяжелых черного металла арбалета и готические буквы – *Cava Dei Balestrieri*, что и означает – Карьер арбалетчиков. Два мира разделяет это место, беспощадно палимое солнечным светом, – достойный мир лучников и презренный мир арбалетчиков. Лучник – честный солдат и герой, его лук требует силы и мастерства, возвышенного душевного порыва в отношении родины. За арбалетчика большую часть работы делает механизм, а значит, то работа низменная, для наемников. Представляешь громоздкие и неуклюжие арбалеты, приводимые в движение всем телом кондотьера, из положения лежа на земле. Сколь ужасна была картина – кондотьер натягивал тетиву, помогая себе всеми четырьмя конечностями. Уместны ли тут возвышенные представления вроде «*Viva la Patria*»? Нет, разумеется. Бывший карьер был отдан арбалетчикам для состязаний, они заслужили хотя бы этого карьера, вырубленного в скале, поскольку при всем презрении регулярной армии к наемникам услуги последних были незаменимы при защите крепости Сан-Марино. Жалованье наемникам выплачивалось регулярно в европейских войнах за счет заработков торговцев, предков сегодняшних торговцев в бутиках, роскошных магазинах и лавках Сан-Марино. Это ласкало самолюбие арбалетчиков, и они пытались считать себя не разбойниками, но солдатами, достойными героических хроник, несмотря на то, что без конца предавали своих заказчиков, покидая поле боя, если опасность превышала размер жалованья. Низкое, недорогое оружие с большой поражающей силой, доступное в использовании всякому разбойнику, запретили использовать против христиан, но не против неверных.

Водитель автобуса, заполненного отбывающими из крошечной республики, занимающей одну лишь гору Титано, включил развеселую итальянскую песенку и двинулся по проходу автобуса. Он танцевал под эту музыку, в костюме небесного цвета и белой фуражке, и проверял билеты, задержался возле юной прелестной девушки, взял ее за руки, не отпускал, глядя ей в глаза, послышалось частое здесь слово «*бэлла*» – «*красавица*», был послан воздушный поцелуй этой самой красавице, и он проследовал дальше с неизменным «*бон джорно*», не прекращая своего танца. Приходится признать, что итальянские фильмы говорят правду, не преувеличивая и не преуменьшая, и к этим танцам как способу бытования и разным сантиментам Эроса располагают солнце, морские волны и горные склоны, покрытые оливами и секвойями.

ДИКТАТОР

Площадь перед замком Малатеста блестит хромированными деталями мопедов, изящных и легких, заполнивших ее от края и до края. Тяжелый и неуклюжий, похожий на скалу замок возвышается над современной, далекой от Средневековья жизнью несколько отстраненно. Сооружение, служившее тирану Римини

Сигизмондо Малатесте защитой не столько от вражеских набегов, сколько от самих жестоко притесняемых им жителей города, возвышается и наблюдает за современностью, кажется, с неудовольствием, со всеми своими нестройными толстыми стенами и башней на фоне неба, и на месте окружавшего его когда-то рва, заполненного водой, шествуют туристы, щелкает фотокамера.

Грубые двери из грубых, плохо обтесанных досок, скрепленных черным металлом, крошечные бойницы окон, узкие, длинные, запутанные коридоры с высоченными потолками хранят стоны и кровь жертв тирана. И даже выставка современного искусства не может преодолеть висящего здесь духа насилия, как одной из составляющих природы человека. Не знаю, мог ли Сигизмондо улыбаться. Если тираны и улыбаются, то так, как скалятся звери, и это отдаляет их от человеческой природы, поскольку способность человека улыбаться не живет там, где нет свободы.

В такт шагам, отдающимся в пустоте и холоде замка, слышится хроника из наушников, выданных посетителю при входе, с цитатами Папы Пия II о всевластном сюзерене провинции: «Сигизмондо Малатеста был в такой степени не воздержан в разврате, что насилывал своих дочерей и своего зятя. В жестокости он превзошел всех варваров. Осквернял монахинь, насилывал евреек, что же касается мальчиков и молодых девушек, которые не хотели согласиться добровольно на его предложения, он или предавал их смерти, или мучил жестоким образом. Он сходил с некоторыми замужними женщинами, детей которых он раньше крестил, а мужей их он убивал. Он теснил бедных, отнимал у богатых их имущество, не щадил ни сирот, ни вдов...»

Виртуальный гид неожиданно перемещает в зал современного искусства. Масштабные фигуры женщин и детей Каньяччи ди Сан Пьетро, работы из коллекции Пегги Гуггенхайм, графика и рукопись сценария «Рокко и его братья» Джованни Тестори, тучный магический реализм и жирный карандаш Доменико Рамбелли. На некоторое время перемещаешься в другие эпохи, но потом снова грубо сколоченные двери и железные люки подземелий возвращают к Сигизмондо, скрипят настилы, в узкие окошки еле пробивается дневной свет, металлические шипы на стенах и воротах, и цепи, кажется, визжат, поднимая тяжелую крышку, ведущую в черные подвалы, залитые кровью.

Все, ужасник закончился, снова перед глазами площадь с мопедами, горожанами, занятыми своими делами, неподалеку милый уютный фонтан «Шишка», накрытый тенью высотных зданий, зовущий попить воды и передохнуть.

ЯХТЫ

У церковных колоколов звук всегда тревожный. Мрачная колокольная времен диктатуры напоминает электрическую опору с отсеченной вершиной. Это она звенела набатом. Когда-то женщины Римини, как и Градиска с киноплёнки, кричали здесь, на этих улицах: «Дайте мне до него дотронуться! Я хочу до него дотронуться! Да здравствует Дуче!» Был жаркий день. На доме за яхтенной пристанью виднелась надпись: «Наци – говно».

Белые яхты покачиваются на тихой воде, отражая золото ажурных облачков. У горизонта золото неба сгущается, а ввысь рассеивается, переходя в лазурь, пересеченную облачным дымом, словно растертым кистью по холсту небосклона.

На мосту задумчиво сидят бекасы, перышки на их головах взъерошивает ветер. Мачты молчат о чем-то пред цветистым занавесом неба, их очертания повторяются в прозрачной позолоченной воде.

Каждое место охраняемо его гением. Римини, мне думается, охраняет дух Феллини. Близился вечер, и после заката песчаный берег Белларивы приобретал стальные краски темнеющего неба. Тучи еще прорезал белый холодный свет вечернего зарева, но он отступал под напором ветра, и на сером мареве облаков все ярче светились неоновые далекие огни колеса обозрения и доносились смех и музыка. Пенистая рябь волн накатывала тихо на песок. Все это вспыхнуло ярко однажды, холодным московским вечером, когда такси из аэропорта уже приближалось к дому, сворачивая на Крымский мост. И тревожный звук колокола повторился в памяти отчетливо и пророчески.

* * *

Маятник качается над бездной. Раз-два.

Все тяжелое и печальное, что было раньше, растворилось и смешалось в Римини с историями других людей и теперь сходило с сердца, как сходит старый ил с омываемого волнами камня.

Город моего детства менялся. Тогда, в детстве, с его полотен, улиц постепенно исчезали образы Ленина, появлялись портреты новых лидеров. Старшеклассницы в школе стали пользоваться косметикой и французскими духами и носить чулки в сеточку, в нарушение старых школьных устоев, которым им уже не хотелось подчиняться. С нами воевала старая дама, учитель обществоведения и школьный парторг. Она со сладострастием водила девочек в туалет смывать макияж, она стояла на страже старых устоев до последнего. Но это уже ничего не могло изменить, маятник качался быстрее, времена старой школы вместе с прежней страной уходили в прошлое. И это было не только из-за духов и туши на ресницах, это было из-за книжек и фильмов, к которым страстно тянуло тогда, чтобы узнать об окружающем мире как можно больше, и из-за «Амаркорда». Он тоже разрушил многие иллюзии. Школа стоит до сих пор. В ней нет Рональда Петровича, говорили, что он куда-то переехал. Спустя много лет среди новостей Интернета мне попала статья нашего учителя с воспоминаниями об одном из его учеников, основателе крупнейшей в России поисковой системы...

Впечатление от дома, города, реки или гор складывается из многих вещей. Музыка, великое кино, любовь к велосипедам, запах кофе и коричневое мороженое, оплывающее в зеркалах джелатерий, вышивки стеклярусом и яркие шелка, полдневная жара и закат над морем, бродяги на вокзальной площади, воробьи, высокие окна благородных вилл, смех и улыбки – все это окружало меня в Римини. Но кроме всего, невозможно было не почувствовать сердцем радость жизни, свойственную жителям этого города, пробивающуюся отовсюду, как зеленые ростки сквозь античные камни.

Так и мы пробивались когда-то, как ростки, крепили и ждали, и надеялись, и верили в счастье.

